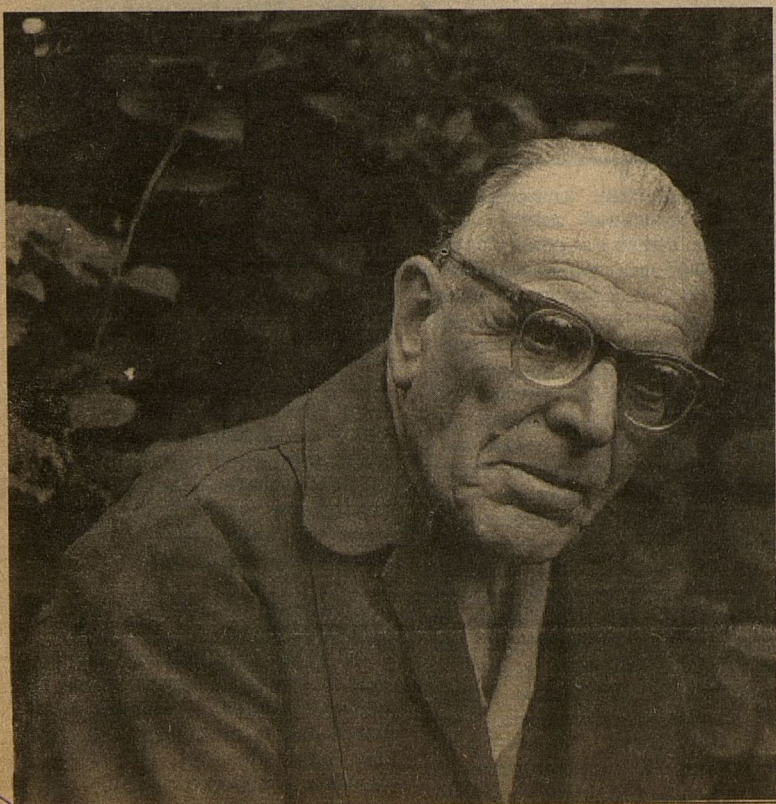

ГАЛИНА

ОДНАЖДА

НЕНАПИСАННЫЕ КНИГИ
ГАЛИНЫ КМИТ

Легенды о Галине Васильевне Кмит в журналистской и киношно-театральной среде ходят такие, что волей-неволей думаешь: пора книгу писать о судьбе этой необыкновенной женщины. А уж сколько книг могла бы написать она сама... Королева репортажа в начале журналистской карьеры, фотомэтр ныне, Галина Васильевна известна во всем мире своими фотоработами, выставки которых проходят от Москвы до Мехико. Но в заветных конвертах хранятся и негативы — свидетели встреч не только с «громкими зарубежными именами». Есть там и фотокнига о Константине Паустовском — человеке, писателе, имя которого Галина Васильевна читает особо. Книга эта пока не напечатана. Публикуя ее фрагменты, мы надеемся, что найдется издатель, способный довести ее до читателя, того, который знает и любит книги Константина Георгиевича.

Справки, контакты: 284-48-74.

и огромные пробелы в культуре и воспитании, что и было причиной абсурдных идей и решений. Меня поразило в Паустовском его глубокое знание жизни, его боль за судьбу страны, которую он до беспамятства любил. Говоря о России, Кон-

стантин Георгиевич жаловался на бездумное отношение к природе, об ее уничтожении, говорил о том, что надо беречь от цивилизации русские места, исчезающие под ее натиском... «Родина, — считал он, — само по себе великое понятие, и оно не нуждается в том, чтобы его писали с большой буквы».

Мое появление в доме Константина Георгиевича ничем не нарушило привычного распорядка дня писателя. И для меня, как журналиста, это было очень кстати. Я смогла запечатлеть на пленке все, что хотела. Наверное, потому, что сама обстановка была простой и непринужденной, и Паустовскому не приходилось позировать перед камерой. Он остался и в моей памяти, и на снимках удивительно открытым, искренним и простым в общении человеком.

Показывая мне свой сад, которым очень гордился, писатель рассказывал историю почти каждого из посаженных в нем деревьев. Выйдя за калитку и спустившись к Таруске, мы решили прогуляться и заодно, захватив с собой удочки, половить рыбу: Паустовский оказался отчаянным рыболовом.

Широкая, развороченная машинами дорога тянулась по бесконечным русским просторам, пересекаясь где-то там на горизонте с узкой полоской голубого неба. Константин Георгиевич шел рядом, и разговор вновь и вновь обращался к России... Паустовскому было непонятно, как можно уехать в другую страну, бросить и никогда не увидеть больше ни бескрайних полей, ни тоскливых, щемящих сердце серых пыльных дорог,

ни рыжих восходов солнца... Разве может русский писатель творить без России? «Большинством своих книг, — признавался Паустовский, — я обязан средней полосе, и ни одна из них не была написана вне Родины».

Я слушала его, ловила каждое его движение, взгляд. Мое состояние можно было определить двумя словами: восхищение и тоска. Восхищение перед огромным миром писателя и тоска от невозможности остаться в нем навсегда. Паустовский был необыкновенным романтиком. Это было свойство не просто его натуры, а принцип и образ его жизни. Глазами романтика он смотрел на мир, на людей, на все, что окружало его. Сердцем романтика он чувствовал, любил, негодовал, восхищался, удивлялся красивому, преклонялся перед совершенством природы. Романтизм он очень высоко ценил в людях, считал, что это свойство не позволяет человеку быть лживым, уверял, что романтик не может быть негодяем. Не принимая то, что происходило в стране в шестидесятые годы, он ушел от суеты внешнего мира, создав и утвердив свой собственный духовный мир.

Свойство великих писателей — искать выход из противоречивых ситуаций, проблем своей страны каким угодно способом, но только не насилием.

Лев Толстой никогда не мирился с жестокостью, она была для него идентична бунтарству, грубому и невежественному, несущему одно разрушение и ничего не созидающему. Непротивление злу насилием Толстого — идеалистическая теория побеждения зла всепрощающим добром — в чем-то стала и принципом жизни Паустовского, отказавшегося

Судьба иногда бывает необыкновенно щедра к нам, даря встречи с людьми, соприкосновение с миром которых обогащает, переворачивает душу, открывает ей новые, неизведанные дотолы чувства, мечты, желания...

«Желание необыкновенного, — писал Паустовский в предисловии к своей книге, — преследовало меня много лет». Это желание зародилось и во мне, открыв мир, полный покоя, красоты и вдохновения.

Двадцать шесть лет назад я приехала в Тарусу, чтобы собрать материал для рубрики «Над чем работают писатели», которую вела тогда в одной из московских газет. О моем приезде Паустовский не знал, и я, конечно, волновалась: примет ли меня Константин Георгиевич?

Было утро. Бревенчатый домик на высокой круче — весь в зелени — выходил окнами на реку и от самой калитки бежала узкой лентой тропинка под крутой откос. Я постучала. Навстречу вышел невысокого роста седой человек, в темном домашнем пиджаке, серых летних брюках. Он поздоровался и предложил войти. Ничто не выдавало к нему знаменитого писателя, мэтра. Общаться с ним сразу сделалось легко, свободно

и интересно. Мы провели весь день, говорили о разном.

И сейчас вспоминается его удивительная манера говорить искренне, как со старым знакомым, с любым человеком. Паустовский ничего не боялся и обо всем высказывал свое мнение открыто и прямо. Только что прошла встреча Хрущева с деятелями культуры и искусства, и Константин Георгиевич с грустью и даже как-будто с жалостью отозвался об этом событии. Сегодня, когда многие из известных нам ранее фактов всплывают на поверхность, давая нам возможность разобраться в парадоксах происшедшего, намного легче оценивать случившееся, но тогда...

Я вспоминаю, как, говоря о Хрущеве, Константин Георгиевич предположил, что огромная власть, которой наделен один человек, делает в нем необратимые перемены в худшую сторону, толкает его на совершение поступков, граничащих со своеволием и самодурством. Паустовский говорил не только о Хрущеве, управлявшем страной в шестидесятые годы. Он говорил о многих, подобных ему, вершивших судьбы народа и всей страны... О людях, пришедших к власти и имеющих за душой только собственные амбиции

Паустовский Константин

20.9.94.

КМИТ

В ТАРУСЕ

в эти тяжелые и бурные годы от бунта. Константин Георгиевич по своей натуре не был бунтарем.

«Писательство соединяло в себе привлекательные профессии мира, — писал Константин Георгиевич в 1958 году, — но так я думал в молодости, тогда еще я не знал, что писательство — это труд, тяжкий и рсточительный, что даже одна-единственная крупница правды, утаенная писателем от людей, — преступление перед собственной совестью». Он говорил со мной об этом удивительно откровенно, что поражаало меня и радовало, потому

что в те годы откровение было не в чести, оно, казалось бы, ушло бесследно из общения между людьми. И еще: Паустовский, высказывая свои мысли и говоря о себе, всегда с уважением относился к собеседнику, не смотрел на него свысока. Наше общение было двусторонним. Мы были вместе — и одновременно порознь. Каждый занимался своим делом, не мешая друг другу.

Мне очень хотелось снять его за любимым занятием. Присев на крутом берегу реки и закинув удочку в воду, он стал наблюдать за поплавком. Чтобы сделать удачный снимок,

надо было залезть в воду с фотоаппаратом. На мне был легкий сарафан, а купальник я с собой взять не догадалась... Высоко подогнув юбку, я взяла аппаратуру и полезла в воду. Видя мои старания, Паустовский рассмеялся.

Этот необычный и счастливый для меня день подходил к концу. Вечерело, и надо было прощаться с гостеприимным хозяином. Проводив меня до машины, Константин Георгиевич взял с меня обещание, что я не забуду его и обязательно приеду. И, конечно, я пообещала.

Вернувшись в Москву и отдав в редакцию несколько портретных снимков, я оставила все негативы у себя в столе, где они пролежали двадцать шесть лет.

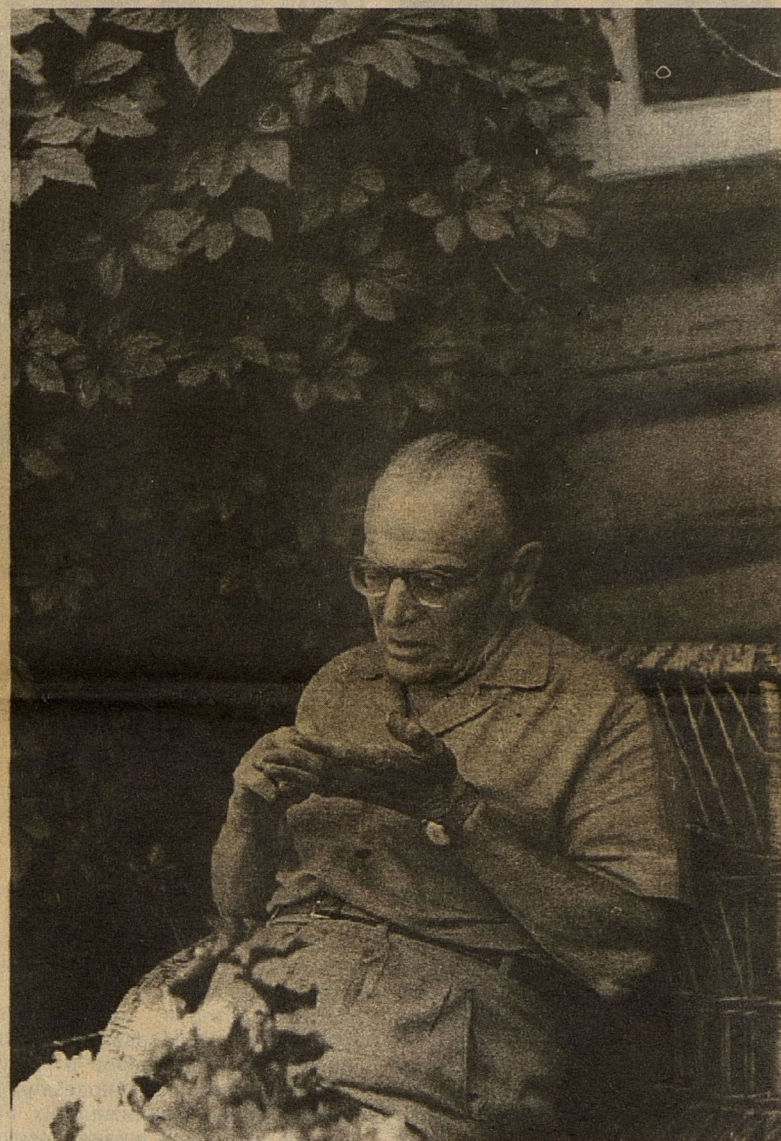
Эта встреча была для меня потрясением, даже своего рода шоком. Когда я окунулась в этот мир, в его

творческую тишину, я попала в оазис благожелательства, покоя, творчества. И это так контрастировало с нашей тогдашней жизнью, что я не решилась об этом откровенно рассказать. Я очень хотела вернуться к Паустовскому. Но, к сожалению, жизнь закрутила меня и я больше так и не выбралась в Тарусу. И часто с огромной виной перед Константином Георгиевичем я от-

крываю первый том его сочинений, где на первой странице его рукой сделана маленькая надпись: «Галине Кмит и всем маленьким «кмитам» — на счастье. К.Паустовский. Таруса. 1/IX-1963 г.».

С опозданием, но все-таки выполняю свое обещание: я вернулась в Тарусу двадцать шесть лет спустя...

1989 г.

ДНИ ПАУСТОВСКОГО В ОДЕССЕ

...В июле прошлого года в Одессе по инициативе группы энтузиастов — почитателей творчества Константина Георгиевича Паустовского — было создано литературное товарищество «Мир Паустовского». Его возглавил ветеран Черноморского морского пароходства, заместитель редактора одесской газеты «Морские ведомости» Виктор Иванович Глушаков. Глубоко символично, что новая литературно-общественная организация родилась именно в Одессе — в городе у моря, где прошла литературная юность художника-романтика.

...В литературное товарищество «Мир Паустовского» вошли писатели, журналисты, художники, моряки, строители, медики, учащиеся и просто читатели — все те, кому близок и дорог проникновенный лирик, подлинный поэт в прозе Константин Паустовский.

Кроме того, коллективными членами товарищества стали, например, экипаж теплохода Дальневосточного морского пароходства «Константин Паустовский», флагман ВМС Украины сторожевой корабль «Гетман Сагайдачный», АСК Черноморского морского пароходства «Бласко», коммерческий банк «Порто-Франко», одесская массовая библиотека № 2 им. К.Г.Паустовского и другие организации России

и Украины. Всех участников литературно-общественной организации объединяет стремление не только глубоко изучать творческое наследие писателя, но и всеми доступными средствами широко популяризировать его произведения среди читателей, вести поиск малоизвестных и затерявшихся работ, писем, статей Паустовского.

А главное то, что по инициативе Одесского государственного литературного музея и литературного товарищества «Мир Паустовского» администрация города приняла решение о воссоздании дома во дворе дома № 8 по улице Гефты (бывшей Черноморской) — той самой сторожки в заглом саду за высокой оградой из камня-«дикаря», которую обитатели называли «Форт Монте-Кристо». В этой полуразрушенной дворничкой в 20-е годы и проживал Константин Паустовский. Сотрудники Одесского инженерно-строительного института и организации «Экспресс-проект» взялись безвозмездно выполнить проектно-сметную документацию.

А недавно Литературное товарищество провело в Одессе ряд интересных встреч под девизом «Паустовский и Одесса». На них присутствовали энтузиасты-паустовцы из разных регионов СНГ, включая далекую Чукотку. Основные наклад-

ные расходы оплатили меценаты — Черноморское морское пароходство, Морской профсоюз Черноморского пароходства, Одесский морской порт, коммерческий банк «Порто-Франко» и другие организации и объединения.

В гостях у одеситов были сын писателя Вадим Константинович Паустовский, известный критик, исследователь творчества писателя Лев Абелевич Левицкий, директор Московского литературного музея-центра К.Г.Паустовского Илья Ильич Комаров.

Участники встреч слушали содержательные доклады, поделились опытом работы по популяризации произведений К.Г.Паустовского, посетили бывшую Черноморскую улицу, встретились с работниками массовой библиотеки № 2 им. К.Г.Паустовского.

Встречи в Одессе доставили поклонникам таланта Паустовского волнующую радость общения, дали хороший заряд к достижению новых результатов в литературных и общественных делах.

Николай СТЕПАНИЩЕВ,
редактор журнала
«Мир Паустовского».

